

Хребет Расколотой Души

Хребет Расколотой Души был вовсе не горой.

Это был огромный шрам от меча.

Именно так сказал мне Шэнь Цзинчжэ. Едва забрезжил рассвет, как мы втроем верхом покинули постоянный двор, а Янь Байлоу во главе Стражи Сюаньлюй следовал за нами на некотором отдалении. Не прошло и получаса, как почтовый трак начал подниматься, местность постепенно стала пересеченной, растительность по обочинам — всё более скудной, и в конце концов остались лишь серо-черные камни да высохший кустарник.

Затем Шэнь Цзинчжэ натянул поводья.

— Прибыли.

Я проследил за его взглядом и на добрые полминуты застыл в оцепенении.

Я видел горы. Секта Лазурного Облака стояла в горах, и я прожил в них восемь лет.

Но это была не гора.

На самом горизонте залегал гигантский разлом — казалось, некто рассек саму землю мечом, что подпирал небеса. Земля по обе стороны от трещины круто вздымалась, образуя протянувшуюся на сотню ли отвесную скалу. Стены обрыва были гладкими, словно срезанными, а поверхность камня — неестественно ровной. В ней смутно угадывались следы бывшего могучего удара: будто кто-то легонько полоснул ножом по куску тофу, и на его поверхности навсегда осталась эта отметина.

— Три тысячи лет назад, — тихо произнес Шэнь Цзинчжэ, — человеческий император погиб именно здесь.

— Как он умер?

— От одного удара мечом. — Шэнь Цзинчжэ указал на разлом. — Этот Хребет Расколотой Души остался от того самого удара, что он нанес перед самой смертью.

Я судорожно втянул воздух.

Один удар, рассекший землю на сотню ли в длину. Вот какова сила уровня Святого. И три тысячи лет назад тот самый человеческий император использовал последние крупницы своей

жизни, чтобы обратить эту силу в указ, запечатавший вход на Равнину Белых Костей.

Что же он пытался удержать?

Никто не знал. Исторические хроники на той странице обрывались, и за три тысячи лет ни один монах-исследователь не возвращался с Равнины Белых Костей живым.

— Пойдемте, — я пришпорил коня. — Где именно находится указ?

Янь Байлоу нагнал нас сзади, развернул карту и вгляделся в нее:

— По самому центру Хребта Расколото́й Души, в единственном узком проходе. Этот проход — единственный путь на Равнину Белых Костей, а на отвесных скалах по обе стороны кроется оставшаяся там утонченная ци меча, обойти их невозможно.

— Как называется этот проход?

— Застава Жэньхуан.

Имя под стать месту. Застава, которую человеческий император запечатал ценой собственной жизни, звалась Заставой Жэньхуан.

Мы двинулись вдоль края расселины вверх. Дорога становилась все уже, лошади больше не смели идти дальше, и нам пришлось привязать их за укрытым от ветра горным валуном, чтобы продолжить подъем пешком. Ворон всю дорогу восседал на плече Шэнь Цзинчжэ — похоже, он наконец сообразил, что из нас троих я обладаю наименьшей боевой мощью, и потому решительно сменил покровителя.

Лю Руянь следовала за нами, тяжело дыша:

— Какая же эта ворона... продажная.

Ворон каркнул, выражая полное согласие с ее оценкой.

Когда мы взобрались на перевал, солнце как раз достигло зенита. Полуденные лучи падали отвесно вниз, выхватывая каждую деталь этого ущелья. И тогда я увидел каменную стелу.

Стела была небольшой, ростом с человека. Обыкновенный серый камень, точно такой же, какой шел на постройки у ворот Секты Лазурного Облака. За три тысячи лет она не подверглась выветриванию, на ней не вырос мох, на поверхности не было заметно даже малейшей трещины. И всё потому, что прямо над стелой парили пять иероглифов:

Не святым вход воспрещен.

Эти пять иероглифов были не высечены. Они висели в воздухе, написанные размашистым, полным силы почерком, а тушь выглядела такой свежей, будто писавший только что отложил кисть. Каждый иероглиф слегка светился, и свет этот был не золотым, а глубоким и мрачным — точно запекшаяся кровь.

— Это и есть указ, — Янь Байлоу стоял в трех чжанах позади меня, не смея ступить ни шагу вперед. — За три тысячи лет бесчисленные заклинатели пытались пройти. Иные делали лишь шаг — и их отбрасывало прочь, другие подходили на три чи к стеле, и из их семи отверстий на лице начинала сочиться кровь, а те, кто пытался прорваться напролом, переступали черту стелы и исчезали навсегда.

— Ты пробовал?

— Пробовал, — честно признался Янь Байлоу. — Я дошел до точки в десяти чжанах от стелы и рухнул на колени. Не по своей воле — указ заставил меня преклонить колени.

Я всматривался в пять иероглифов на стеле. Они тихо и неподвижно парили в воздухе, не излучая ни давящей мощи, ни воинственного убийственного намерения. Но я знал: стоило сделать еще хоть шаг вперед, как они обернулись бы самым страшным зрелищем на свете.

Шэнь Цзинчжэ сделал шаг вперед.

— Я попробую.

— Подожди...

Не успел я договорить, как он уже шагнул за черту. Шаг, второй, третий. На десятом шаге его тело вдруг качнулось.

— Шэнь Цзинчжэ!

Он не ответил. Его шаги замедлились, словно он шел сквозь толщу воды, и каждое движение давалось с невероятным сопротивлением. Но спина его по-прежнему оставалась прямой, а правая рука до побеления в костяшках сжимала рукоять меча. На тринадцатом шаге он обнажил клинок. На четырнадцатом — острие уперлось в землю, поддерживая его во время дальнейшего движения. На пятнадцатом из уголка его рта сочилась тонкая струйка крови, и тогда он остановился.

— Не пройти, — произнес он.

Голос его звучал удивительно спокойно, будто он констатировал простой факт. Он развернулся, пошел назад, вытер кровь с губ и кивнул мне:

— Твоя очередь.

— С чего это вдруг?

— Ты — Святой. Этот указ задерживает лишь тех, кто ниже уровня Святого, но не Святых.

— А что, если он не признает во мне Святого?

Шэнь Цзинчжэ бросил на меня взгляд:

— Тогда мы перелезем через скалу. Какая-то ци меча, я выдержу.

Он говорил об этом так легко, но я заметил, что перепонка между большим и указательным пальцами на его руке, державшей меч, уже треснула. Всего пятнадцать шагов — и кожа на руке лопнула. Тело Демона Меча перед лицом подлинного указа Святого не могло одолеть даже двадцати шагов.

Я глубоко вздохнул.

— Сестрица.

— М?

— Если я пройду и не вернусь...

— Тогда я доем все твои вонтоны, — перебила меня Лю Руянь; ее глаза покраснели, но тон не допускал возражений. — Так что тебе лучше вернуться.

Я усмехнулся.

И повернулся к каменной стеле.

Шаг. Земля под ногами мгновенно раскалилась.

Два шага. Воздух словно загустел, каждый вдох ощущался так, будто я глотаю песок.

Три шага. В моей голове что-то загремело, зашумело — словно вдали ревели мириады воинов и коней, словно бесчисленные клинки одновременно вылетали из ножен.

Четыре шага. Перед глазами возникло видение: мужчина в высоком головном уборе и широких одеждах стоял посреди гор трупов и морей крови, без меча в руке и без единой души рядом. Он писал письма, кончиками пальцев выводя черту за чертой в пустом воздухе, и с каждым упавшим иероглифом небо темнело еще на оттенок. Он создавал указ.

Пять шагов. Мужчина вдруг обернулся и сквозь толщу трех тысяч лет в упор посмотрел на меня.

Его глаза были багровыми.

— Остановись.

Эти два слова донеслись вовсе не со стелы — они хлынули со всех четырех сторон одновременно. Небо говорило об этом, земля говорила, воздух говорил, камни говорили. Весь мир твердил эти два слова.

Мои ноги намертво вросли в землю. Не по моей воле — меня буквально пригвоздило к месту. Земля подо мной неведомо когда превратилась в нечто липкое, напоминающее топь, и обе ноги до щиколоток увязли в камне.

Страх наконец настиг меня. С самого момента получения весточки от ворона я старался заглушить его бесконечной дорогой и попытками разобраться в подсказках — но теперь он нагнал меня. Я чувствовал, как бешено колотится сердце в груди, каждый удар отдавался тупой болью в ребрах. Мне вдруг вспомнился я сам до восемнадцати лет — тот Сюй Ань, что подметал поребрики в Секте Лазурного Облака, обходил стороной даже драки внешних учеников, издав издали завидев старейшин зала дисциплины, прятался, а получив нагоняй, лишь понуро опускал голову со словами: ученик осознает свою ошибку. Тот Сюй Ань никогда не сражался и не сталкивался ни с какой подлинной опасностью.

А теперь человеческий император трехтысячелетней давности своими посмертными словами говорил мне: ты недостойн.

С какой стати я стал Святым? Благодаря случайной оговорке? Из-за прихоти Небесного Пути? Из-за того, что в восьмилетнем возрасте протянул руку на задней горе? Сюй Ань, да кто ты такой? Я и сам задавал себе этот вопрос бесчисленное множество раз, но сейчас голоса, хлынувшие со всех сторон, вбили его мне прямо в кости.

В этот самый момент ворон вдруг взмыл с плеча Шэнь Цзинчжэ. Он перелетел через голову Шэнь Цзинчжэ, через голову Лю Руянь и напрямик устремился ко мне. Янь Байлоу закричал сзади, что эту птицу сейчас сотрет в порошок, но ворон влетел в зону действия указа — и остался невредим.

Он опустил мне на плечо.

Темно-красные глаза встретились с моим взглядом.

Затем он открыл клюв и издал еще один звук. То было не прежнее послание, а всего лишь один слог:

— Вперед.

Голос этот принадлежал вовсе не ворону. То был голос того таинственного человека в черном. Десять лет назад он оставил ворону эти слова ради нынешнего мгновения, ради того, чтобы я услышал его голос посреди страха.

Он верил в меня.

Десять лет назад на задней горе, глядя на то, как я — восьмилетний мальчишка — протягиваю руку, он уже верил, что восемнадцатилетний я буду стоять здесь. Он потратил десять лет на выстраивание этого замысла: двенадцать лет назад на Восточном Море изо рта у него шла кровь, десять лет назад темной ночью он подавил защитный массив секты, восемь лет назад оставил следы крови в Бездне Демонов, а пять лет назад в Южных Границах его затащили в ядовитые миазмы. Он творил всё это потому, что верил: я достигну святости, я дойду до этого места, я преодолею данный указ и отыщу его на Равнине Белых Костей.

Я не мог позволить ему ждать напрасно.

Мои ноги снова обрели способность двигаться. Ступни выскользнули из камня, будто из них выдернули два клинка. Вглядываясь в пять иероглифов на стеле, я вдруг вспомнил то, о чем говорил Шэнь Цзинчжэ: каждый иероглиф в этом указе — проявление ци меча. То не настоящий клинок, то клинок силы мысли.

Сила мысли человеческого императора заключалась в защите. Его стремление защищать было настолько велико, что обратилось в наваждение, в одержимость, которая на протяжении трех тысяч лет без разбора преграждала путь всем желающим проникнуть внутрь. Но суть защиты не в отказе, а в отборе. Он ждал того, кто сумеет пройти этот отбор. Шэнь Цзинчжэ не был Святым и не мог пройти; обычный Святой, пожалуй, смог бы прорваться, но это означало бы лишь преодоление минимального порога. Тому, кто действительно способен дойти до конца, требовалось не просто звание Святого, а нечто, способное резонировать с его одержимостью защищать.

Где же крылась точка резонанса? — думал я, продвигаясь вперед. Стела приближалась, сияние становилось все ослепительнее, каждый шаг давался так, будто я ступал по лезвиям ножей, но я не останавливался.

И тогда я вспомнил сделанное вчера на постоялом дворе досье. Строки, написанные человеком в черном после того, как у него хлынула кровь, были призваны защитить Шэнь Цзинчжэ. Оставленная восемь лет назад в Бездне Демонов фраза Цзинчжэ может выжить служила защитой. Десять лет назад на задней горе он спас нас обоих — это тоже была защита. От начала и до конца он защищал других, так и не написав ни единой строчки ради себя самого.

Запечатавший Равнину Белых Костей ценой своей жизни человеческий император поступал точно так же — защищал.

Защитник лучше всех понимает защитника.

Стела оказалась прямо передо мной. Не сама каменная глыба, но та давящая тяжесть, что сравнима с горами, заставила меня опуститься на одно колено перед ней. Я уперся руками в землю, мои ногти впились в расщелину камня. И тогда я совершил поступок, которого никто никак не ожидал: протянул руку и коснулся тех пяти иероглифов.

В тот миг, когда кончики пальцев соприкоснулись с письменами, небо и земля умолкли. Всякое давящее ощущение исчезло, любое сияние угасло, иероглифы на стеле из кроваво-красных стали золотистыми, затем белыми, а после рассыпались мириадами световых точек, растворившись в полуденном солнце.

На стеле осталась лишь легкая, неглубокая царапина — словно кто-то легонько провел по камню ногтем. То был последний штрих, оставленный человеческим императором три тысячи лет назад, когда он создавал указ. Тот штрих не образовывал иероглиф войти, то была лишь незаконченная черта. Я не мог разобрать, что за знак это должен был быть, но начальный его изгиб в точности повторял первую черту, которую я начертил на земле в день своего восхождения к святости.

Остаток воли человеческого императора не произнес ни второго слова. Его силуэт начал таять, обращаясь в бесчисленные золотистые искры, вливавшиеся в полуденное светило. Неглубокая царапина на стеле тоже исчезла, оставив лишь кусок обыкновенного камня, с плеч которого наконец спал груз трех тысячелетий.

Небо на миг помрачнело. То не было сгущением туч — с северного края небосвода медленно надвигалась гигантская тень. Все подняли головы. Шэнь Цзинчжэ прижал ладони к рукояти меча, Лю Руянь прикрыла рот рукой, Янь Байлоу отступил на шаг назад, а на его лбу мгновенно выступил холодный пот.

К северу от Хребта Расколотой Души, со стороны Равнины Белых Костей. Огромный столб черного тумана взметнулся в небеса, словно в глубинах земли пробудилось нечто жуткое. В этом столбе клубились мириады смутных теней — человекоподобных, звероподобных, полулюдей-полузверей — они метались и выли в черной дымке, и этот крик пробивался сквозь десятки ли, заставляя дрожать камни у нас под ногами.

— Что это? — голос Лю Руянь подрагивал.

— Злоба, — ответил Шэнь Цзинчжэ. — Злоба, что накапливалась на Равнине Белых Костей три тысячи лет. Раньше ее сдерживал этот указ, и она не могла вырваться. Теперь же указ рассеялся, и она...

Он не договорил, но все и так всё поняли.

Ворон вдруг издал резкий клекот, взмахнул крыльями с моего плеча и помчался по направлению к столбу черного тумана. Отлетев на дюжину чжанов, он обернулся: в его темно-красных глазах больше не было насмешки, лишь пронзительная спешка. Он не подгонял меня — он боялся. Боялся, что тот, кто велел ему принести весть, уже не дожидается нас.

— Идем. — Я поднялся на ноги. Ноги все еще дрожали, но времени думать об этом не оставалось. — Идем немедленно.

— Подожди, Сюй Ань! — Лю Руянь ухватила меня за рукав, ее лицо выражало невиданную доселе серьезность. — Посмотри туда.

Она указала в глубь Равнины Белых Костей, прямо под основание столба черного тумана. Там мерцал свет.

Не золотой, не белый — нежно-зеленый, напоминающий свежие почки ивы ранней весной. Окруженный со всех сторон клубами черной злобы, этот свет то вспыхивал, то угасал, и с каждым затуханием казалось, что он вот-вот погаснет совсем, но затем он упрямо разгорался вновь.

Там стоял человек.

Он стоял на вершине небольшого холма, сложенного из белых костей, высоко поднимая кисть, на кончике которой еще теплился зеленоватый свет. Черный туман со всех сторон наплывал на него, словно бесчисленные черные цепи оплетали его тело, ноги и ту самую руку, что держала кисть. Большая его часть уже была поглощена темнотой, и лишь крошечная точка зеленого света на кончике кисти продолжала гореть.

— Это он. — Голос Шэнь Цзинчжэ донесся сбоку, звуча еще ниже обычного, так глухо, будто вырывался из самых глубин грудной клетки. — Он еще жив.

Жить-то он жил, но любой видел, что долго ему не продержаться. С каждым новым оборотом цепей из черного тумана этот зеленый свет тускнел. Быть может, пройдет еще час, а может, и того меньше, но эта искорка погаснет окончательно.

Шэнь Цзинчжэ сорвался с места.

— Ты куда? — попытался остановить его Янь Байлоу.

— Спасать.

— В одиночку?

Шэнь Цзинчжэ ничего не ответил. Лишь его меч издал в ножнах глухой звон, и с клинка отвалился еще один кусок ржавчины, обнажая бóльшую часть синеватого лезвия. Этот меч жаждал боя, жаждал так сильно, что само лезвие слегка раскалялось. Мечу Демона Меча никогда не требовалось отвечать на вопросы.

— Шэнь Цзинчжэ! — крикнула Лю Руянь.

Он не остановился.

— Шэнь Цзинчжэ, стой! — Лю Руянь бросился за ним в погоню, преграждая путь. — Какой толк бросаться туда одному? Там трехтысячелетняя злоба, ее не одолеть в одиночку с одним мечом!

— Я знаю.

— Тогда зачем...

— Десять лет назад я тоже думал, что одного человека с мечом хватит, — прервал ее Шэнь Цзинчжэ, переведя взгляд через ее плечо на тускнеющий вдалеке зеленый огонек. — А потом я чуть не умер дважды. Один раз на обрыве, другой — в Бездне Демонов. И оба раза меня кто-то спасал. Теперь тот, кто спас меня, умирает. — Он посмотрел на Лю Руянь. — Я не могу позволить ему спасти меня даром.

Лю Руянь застыла в нерешительности на мгновение, а затем отступила в сторону.

— Ступай.

Шэнь Цзинчжэ сделал шаг. И тут же замер.

Потому что я тоже поднялся на ноги.

— Вместе.

Шэнь Цзинчжэ оглянулся на меня.

— Ты только что прорвался сквозь указ, твои ноги все еще дрожат.

— Тогда пойдем дрожащими. — Я засунул полы длинного халата за пояс, проделав это так же неловко, как и восемь лет подметания полов в секте. — Всё равно драться там не мне. Мое дело — говорить, твое — махать мечом.

— ...

— Что за выражение лица?

— Я думаю, — произнес Шэнь Цзинчжэ, — что ты наконец-то стал похож на Святого.

— Это комплимент?

— Да.

Ветер дул со стороны Равнины Белых Костей, неся с собой запах тления, древние стоны и то самое не погасшее до конца зеленое сияние. День был в самом разгаре, стоял полдень. Позади, на дороге, откуда мы пришли, Янь Байлоу уже вскочил на коня. Крикнув нам: Я отправлюсь вызвать Стражу Сюаньлюй для поддержки с флангов, держитесь! — он вихрем понесся в сторону постоянного двора у подножия горы.

Лю Руянь подошла ко мне и сунула за щеку леденец с османтусом.

— Сладкий.

— ...Мм.

— Вонтоны взял?

— В пространственном мешке. Начинка из трех видов мяса, с малым количеством зеленого лука.

— Хорошо. — Она глубоко вздохнула, глядя на приближающийся черный туман. — Пойдем, спасем этого безумца, который так любит вонтоны.

Трое людей. Один ржавый меч. Одна ворона. Одна еще теплая миска вонтонов.

Позади рушилась каменная стела Хребта Расколотой Души и рассеивалось трехтысячелетнее наваждение. Впереди вздымалась к небесам злоба Равнины Белых Костей и горел упрямый зеленый огонек.

Мы шагнули навстречу этому зеленому свету.

(Глава 9 завершена)

<http://bllate.org/book/21206/2146456>